

Покинуть семью Гу?

Когда Гу Цзицин произнёс эти слова, в гостиной воцарилась гробовая тишина. Даже Инь Лань за дверью замерла.

Первым среагировал Гу Цзюэ. Схватив брата за запястье, он прошипел:

- Гу Цзицин! Ты с ума сошёл?! Пошли отсюда!

Но тот спокойно высвободился:

- Брат, я знаю, что делаю.

Редкое обращение «брат» заставило Гу Цзюэ отступить. Тот швырнул сигарету в окно:

- Чёрт! Все вы гении, один я дурак!

Гу Чжифэн смотрел на приёмного сына ледяным взглядом:

- Ты понимаешь, что говоришь?

- Да. - Гу Цзицин поднял глаза. - Отныне мой «Гу» - от Гу Цинаня, а не от Гу Чжифэна.

Он говорил об отце, чьи дневники стали его опорой. О мужчине, который ради жены и ребёнка сознательно направил машину в отбойник.

- Я взрослый. Могу себя содержать. И хочу жить с тем, кого люблю. - Гу Цзицин положил на стол флешку. - Здесь запись разговора с Ли Ваном в баре, видео с камер и анализы крови.

Ли Ван побледнел:

- Ты врешь!

- Доказательства уже переданы. - Гу Цзицин обратился к Гу Чжифэну. - Ли Ван вам больше не нужен.

Когда Ли Ван, получив звонок, сбежал, Гу Чжифэн холодно спросил:

- Это и было твоей целью?

- Нет. - Гу Цзицин протянул документы. - Финансовые нарушения. Если исправить сейчас - штраф. Иначе Гу Цзюэ пострадает.

Увидев цифры, Гу Чжифэн швырнул бумаги в сына:

- Бездарь!

Гу Цзюэ растерянно листал отчёты:

- Эй, это же...

- Он не виноват. - Гу Цзицин прервал. - Но если дойдёт до суда, ему не избежать вопросов.

Затем он положил ещё один файл:

- По этому проекту лучше сменить стратегию. Расчёты грубые, но вам хватит.

Гу Чжифэн сжал кулаки:

- Так ты благодаришь семью?

- Нет. - Гу Цзицин встретил его взгляд. - Я благодарен. Но я человек, а не пешка.

Он говорил о матери: как она ухаживала за больным Гу Цзюэ, угождала клиентам, жертвовала собой.

- Если любите её - будьте достойны. Если нет - отпустите. Она не станет требовать денег.

Последним он положил толстую тетрадь:

- Это все расходы на меня с детства. Возвращу.

Гу Чжифэн открыл её. Страницы были исписаны детским почерком. Каждая копейка - еда, одежда, учёба.

Гу Цзицин стоял с гордо поднятой головой. Он больше не был тем мальчиком, что боялся попросить лишнюю ручку.

- Все расходы за 15 лет подсчитаны с учётом инфляции. Если хотите - добавлю 20% процентов. Верну за пять лет. А долг за спасение жизни... Думаю, спасение Гу Цзюэ уже частично его погасило.

Гу Чжифэн даже не стал проверять. Он знал: Гу Цзицин не ошибётся.

С шести лет мальчик вёл этот счёт. Как ребёнок, едва научившийся считать, решил записывать каждую копейку?

Инь Лань, прислонившись к стене, медленно опустилась на пол.

Она всегда учила сына быть «хорошим», но не спрашивала - хочет ли он этого. Представила пятилетнего Цзицина, с трудом держащего карандаш...

- Какой же я ужасный родитель... - шёпотом вырвалось у неё.

В гостиной Гу Чжифэн швырнул тетрадь на пол:

- Хочешь платить - плати всё! Одежду, учёбу, лечение! Не вернёшь за пять лет - будешь рабом в доме!

- Хорошо.

Гу Цзицин перевёл все деньги: наличные, карты, даже копейки с подработок.

- Чем мы тебя обделили?! - Гу Чжифэн швырнул чашку. - Ты жил лучше других!

- Просто хочу жить ради себя. - Гу Цзицин стоял неподвижно.

Он всегда чувствовал себя должником. Пока не встретил того, кто научил его ценить себя. Того, чьи глаза сияли, как звёзды.

Распахнув дверь, он увидел плачущую мать.

- Чжи-Чжи... ты правда уходишь?

- Да. Мне хорошо.

Инь Лань обняла его:

- Иди. Мама всё уладит.

Гу Чжифэн, хрипя от ярости, требовал нитроглицерин. Гу Цзюэ метался в панике. А Гу Цзицин вышел в ночь с одним чемоданом.

На улице шёл снег. Фейерверки рвались над виллой, пахло праздничным ужином. У него не было ни семьи, ни денег.

Он вспомнил Чжоу Цыбая. Того, кто обнял бы его, сердито ворча: «Почему так легко одет?»

Собираясь идти пешком, он услышал рёв мотора. Внедорожник резко остановился рядом.

Чжоу Цыбай, с красными глазами, выскочил из машины и втянул его в объятия:

- Чжи-Чжи! Ты идиот! Почему молчал?! Я же сказал - надейся на меня!

Его голос дрожал от страха и злости. Гу Цзицин прижался к груди, где билось бешено сердце.

- Чжи-Чжи... У тебя вообще есть сердце? - Чжоу Цыбай сжал его в объятиях, голос хриплый от усталости и сдерживаемых слёз.

От Пекина до Наньу - 24 часа без остановок. Гу Цзицин не знал, сквозь какие метели прорвался этот человек. Знало только тело: объятия по-прежнему грели, будто готовы были сокрушить любые преграды.

Он всегда справлялся сам. Но в самые слабые мгновения приходил Чжоу Цыбай.

Судьба? Нет. Математик верил в причинно-следственные связи.

Любовь Чжоу Цыбая напоминала рыцарский подвиг. А он - принцесса в башне.

Но он не хотел спасения. Хотел шагнуть навстречу.

Уткнувшись лицом в воротник, пропитанный холодом дороги, Гу Цзицин прошептал:

- Любимый... Меня обидели. Но теперь у меня много любви для тебя. Не сердись, ладно?